

TOMAC
KAPPIK

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ ДРУГИЕ КНИГИ ТОМАСА ХАРРИСА:

Серия о Ганнибале Лектере:

Красный дракон

Молчание ягнят

Ганнибал

Восхождение Ганнибала

Отдельные романы:

Черное воскресенье

Нари Мора

ТОМАС
ХАРРИС

ВОСХОЖДЕНИЕ
ГАННИБАЛА

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х21

Thomas Harris
HANNIBAL RISING

Copyright © 2006 Yazoo Fabrications, Inc.

Харрис, Томас.

Х21 Восхождение Ганнибала / Томас Харрис ; [перевод с английского И. Бессмертной, И. Данилова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104860-0

Мы все безумцы — или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума?

Доктор Ганнибал Лектер — легендарный антигерой нашего времени, гений и злодей одновременно. Что сделало его таким? Ответ кроется в прошлом героя. Как немой испуганный мальчик с цепью на шее, замерзший в снегах Восточного фронта, мог носить в себе столько демонов? И, несмотря на вновь обретенную семью, эти демоны продолжали навещать и мучить Ганнибала. Пока он не вырос — и не обратился к ним сам...

«Восхождение Ганнибала» — роман о взрослении Лектера и его восхождении к вершинам зла. Это феноменальная предыстория событий, изложенных Томасом Харрисом в «Красном Драконе», «Молчании ягнят» и «Ганнибале», с огромным успехом экранизированных в Голливуде.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Бессмертная И., Данилов И.,
перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104860-0

Эта книга — литературный вымысел. Все имена, персонажи, места действия и описываемые эпизоды целиком и полностью являются плодом авторского воображения или же используются в вымышленных обстоятельствах. Какое бы то ни было сходство — как с реальными людьми, ныне живущими или умершими, так и с реальными событиями или местностями — совершенно случайно.

Томас Харрис

ПРОЛОГ

Вход во Дворец памяти в мозгу доктора Ганнибала Лектера погружен во тьму, на двери — замок, его можно найти только на ощупь. Портал открывается в огромные, прекрасно освещенные помещения в стиле раннего барокко, в коридоры и палаты, числом соперничающие с Музеем Топкапи.

Повсюду экспонаты, они размещены просторно и замечательно подсвечены, каждый настроен так, что связанное с ним воспоминание в геометрической прогрессии ведет к другим воспоминаниям.

Помещения, отданные самым ранним годам Ганнибала Лектера, отличаются от других архивов тем, что не вполне совершенны. Некоторые сцены статичны, фрагментарны, словно разноцветные аттические черепки, наклепленные на бесцветный гипс. Другие палаты полны движения и звуков, огромные змеи борются между собой, извиваются, вздымаются во тьме, порой разрываемой вспышками света. Мольбы и вопли раздаются в некоторых местах, на тех территориях, куда сам Ганнибал ступить не может. Но в коридорах не отдается эхо этих воплей, а если захотеть, можно услышать музыку.

Дворец памяти — конструкция, начатая Ганнибалом давным-давно, еще в годы учения. В годы же заключения он усовершенствовал и расширил дворец,

и хранимые в нем сокровища поддерживали узника в те долгие периоды, когда тюремщики лишали его книг.

Здесь, в жаркой тьме его мозга, давайте вместе нащупаем замок. А отыскав его, предпочтем услышать музыку в дворцовых коридорах и, не заглядывая ни направо, ни налево, пройдем прямо в Зал начала, где коллекция экспонатов гораздо фрагментарнее всех других.

Мы дополним ее тем, что узнали из других источников, отыскиали в документах времен войны, в полицейских протоколах, услышали в различных интервью, от судебных медиков, разглядели в безмолвной неподвижности мертвых тел. Недавно обнаруженные письма Роберта Лектера могут оказаться полезными в установлении важных дат жизни Ганнибала, который с легкостью менял эти даты, чтобы ввести в заблуждение полицию и биографов. Наши старания помогут нам проследить, как таящийся в душе зверь перестает быть сосунком и, постепенно взрослея и набирая силу, выходит в мир.

ЧАСТЬ I

Первое, что я понял,
Когда настала пора:
Время — это эхо
Валящего лес топора.

Филип Ларкин¹

1

Ганнибал Лектер Беспощадный (1365–1428) построил замок Лектер за пять лет, используя труд солдат, захваченных в плен во время битвы при Жальгирисе. В тот самый день, как его флаг взвился на вершухах завершенных башен, он собрал всех пленных в огороде и, взобравшись на козлы, чтобы все могли его слышать, заявил пленным, что отпускает их по домам, как обещал. Многие предпочли остаться у него на службе — уж больно харч тут был хороший.

Пять сотен лет спустя Ганнибал Лектер, восьми лет от роду и восьмой носитель этого имени, стоял в огороде рядом со своей маленькой сестренкой Микой, бросая кусочки хлеба черным лебедям, бороздившим черную воду крепостного рва. Мика для большей устойчивости ухватила за руку брата, и ей никак не удавалось добросить хлеб до воды. Огромный сазан качнул листья водяных лилий, спугнув стайку стрекоз.

Но тут лебедь-самец выбрался из воды на берег и на коротких лапах неуклюже заковылял к детям,

¹ Филип Ларкин (1922–1985) — английский поэт и романист.

угрожающе шипя, словно бросая им вызов. Лебедь знал Ганнибала всю свою жизнь, но все же шел на него, вздымая черные крылья — такие огромные, что они скрывали часть неба.

— О-о-ой, Анниба! — произнесла Мика, укрывшись за ногой брата.

Ганнибал поднял распростертые руки на высоту плеч, как научил отец: размах рук увеличивали ивовые ветви, зажатые в кулаках. Лебедь остановился, оценивая более широкий, чем у него самого, размах крыльев Ганнибала, и отступил к воде — покормиться.

— Мы с тобой всякий день это повторяем, — сказал птице Ганнибал.

Однако сегодня день был далеко не всякий, и мальчик задумался о том, куда можно было бы скрыться лебедям.

От волнения Мика уронила хлеб на сырую землю. Когда Ганнибал наклонился, чтобы помочь ей подобрать хлеб, она радостно, растопыренной, словно звездочка, ладошкой шлепнула ему на нос кусочек глины. Он тоже мазнул глиной кончик ее носа, и они хохотали, рассматривая свое отражение в черной воде рва.

Дети почувствовали, как трижды тяжело вздрогнула земля, и вода во рву пошла рябью, исказив отражавшиеся в ней лица. Над полями прокатился отзвук далеких взрывов. Ганнибал подхватил сестренку и бросился к замку.

Во дворе стоял охотничий фургон с впряженным в него огромным битюгом по имени Цезарь. Берндт — конюх, в своем всегдашнем фартуке, и домашний слуга Лотар укладывали три небольших кофра в ящик под сиденьем кучера. Повар готовился принести ланч.

— Мастер Лектер, мадам просит вас подняться к ней, в ее комнату, — сказал повар.

Ганнибал передал Мику няне и побежал наверх по истоптанному каменным ступеням.

Ганнибал очень любил мамину комнату, полную ароматов, с деревянными панелями, украшенными искусно вырезанными лицами, с расписным потолком: мадам Лектер с одной стороны происходила из рода Сфорца, а с другой — из рода Висконти; она привезла свой будуар из Милана.

Сейчас она волновалась, и ее ясные карие с вишневым отливом глаза вспыхивали красноватыми искрами, отражая свет. Ганнибал держал ларец, а его мать нажала на губы херувима, изображенного на стенной панели, и открылся потайной ящичек. Она забрала из ящичка драгоценности и бросила их в ларец вместе с несколькими связанными в пачку письмами; для остальных писем места не хватило.

Ганнибалу подумалось, что она похожа на портрет ее бабушки — камею, тоже только что упавшую в ларец.

...Облака на расписном потолке. Еще младенцем, когда мама его кормила, он, открывая глаза, видел ее грудь на фоне этих облаков, чувствовал прикосновение краешков ее блузы на своем лице. И кормилица — ее он тоже помнил: золотой крестик сверкал, словно солнечный луч меж этими поразительными облаками; когда кормилица держала его у груди, крестик прижимался к его щеке, и она терла ему щеку, чтобы разгладить след от крестика, прежде чем мадам его заметит.

Но в дверях уже стоял отец с гроссбухами в руках.
— Симонетта, нам пора ехать.

Детское постельное белье было сложено в медную ванночку Мики, и мадам спрятала ларец между про-

стынями. Оглядев комнату, она сняла с подставки на столике небольшую картину — вид Венеции, с минуты смотрела на нее, затем передала ее Ганнибалу.

— Отнеси ее повару. Держи за раму, — сказала она, улыбнувшись ему. — Не смажь то, что на обороте.

Лотар вынес ванночку во двор, к фургону; по двору растерянно бродила Мика, встревоженная необычной суетой вокруг. Ганнибал поднял Мику повыше, и она смогла потрепать Цезаря по морде. Не ограничившись этим, девочка пару раз сжала битюгу нос — может, он подаст голос? Ганнибал набрал горсть зерна и рассыпал во дворе, изобразив букву «М». Тут же налетели голуби, образовав на земле «М» из живых птиц. А Ганнибал пальцем начертил букву «М» на ладошке Мики: скоро ей исполнится три, и он уже отчаялся верить, что она когда-нибудь научится читать. «М» — значит «Мика», — сказал он ей. Она побежала к голубям, радостно смеясь, и они взлетали вокруг нее, хлопая крыльями, а затем, покружившись над башнями замка, уселись на звоннице.

Повар, массивный, в белой поварской одежде, принес ланч. Цезарь, кося на повара глаз, прислушивался к его действиям, насторожив уши: когда Цезарь был жеребенком, повар не раз гнал его с огорода, выкрикивая ругательства и молотя его по заду метлой.

— Я останусь, помогу вам погрузить кухню, — сказал повару учитель Яков.

— Поезжайте с мальчиком, — отозвался тот.

Граф Лектер поднял Мику в фургон. Ганнибал тотчас же обнял сестру. Граф Лектер прижал ладонь к щеке сына. Мальчик удивился, ощутив в руке отца внутреннюю дрожь, и пристально взгляделся в лицо графа.

— Три самолета бомбили грузовую железнодорожную станцию. Полковник Тимко говорит, у нас есть по меньшей мере неделя, если они вообще сюда доберутся, да и тогда бои пойдут у главных дорог. Мы укроемся в охотничьем домике, и все будет хорошо.

Шел второй день операции «Барбаросса» — Гитлер осуществил свой молниеносный бросок на Россию через Восточную Европу.

2

Берндт шел перед фургоном по лесной дороге, следя, чтобы ветви деревьев не хлестали Цезарю морду, отсекая особенно разросшиеся короткой швейцарской алебардой.

Учитель Яков следовал за фургоном на лошади, его седельные сумки были набиты книгами. Ездить верхом он не умел и, проезжая под толстыми ветвями, прижимался к конской шее, обхватив ее обеими руками. Иногда, если дорога поднималась вверх особенно круто, он спешивался и вместе с Лотаром, Берндтом и самим графом Лектером подталкивал фургон. Ветви снова смыкались за ними, скрывая дорогу.

Ганнибал чувствовал запах раздавленной колесами свежей зелени, нежный аромат волос Мики у себя под подбородком — она всю дорогу ехала у него на коленях. Он видел, как высоко над ними пролетели немецкие бомбардировщики. Инверсионные следы самолетов образовали нотный стан, и Ганнибал напел сестренке мелодию, начерченную в небе черными разрывами зенитных снарядов. Мелодия показалась ему не очень приятной.

— Нет, — сказала Мика. — Анниба, пой «Das Mannlein»!¹

И они вместе запели песенку о загадочном маленьком человечке, который стоит в лесу. Песенку подхватили няня, ехавшая вместе с ними в тряском фургоне, и учитель Яков на своей кобыле, хотя он не любил петь по-немецки.

Ein Mannlein steht im Walde ganz still und stumm,
Es hat von lauter Purpur ein Mantelein um,
Sagt, wer mag das Mannlein sein
Das da steht im Walde allein
Mit dem purpurroten Mantelein?²

Два часа нелегкой дороги привели их на поляну, покрывшуюся под пологом высоких деревьев.

Охотничий домик Лектеров за три столетия превратился из примитивного укрытия в удобный уединенный дом в лесу, деревянно-кирпичный, с очень крутой крышей, чтобы не залеживался снег. Рядом располагался небольшой амбар с двумя стойлами и жильем для обслуги, а за домом — уборная в викторианском стиле, с резным расписным орнаментом; крыша строения едва виднелась над скрывавшей его живой изгородью.

В фундаменте охотничьего домика все еще можно было видеть камни алтаря, воздвигнутого в темные века людьми, поклонявшимися ужу — «травяной

¹ Das Mannlein (нем.) — маленький человечек. (Здесь и далее прим. перев.)

² Маленький человечек безмолвно и тихо стоит в лесу, / На нем — маленький плащик ярко-пурпурного цвета, / Скажите-ка, что это может быть за человечек, / Который стоит в лесу совсем один / В своем пурпурно-красном маленьком плащике?..

змее». А сейчас Ганнибал мог наблюдать, как травяная змея поспешно покидает эти древние места, когда Лотар принялся обрубать стебли вьющихся растений, мешающих няне открыть окна.

Граф Лектер поглаживал огромного коня, пока тот пил воду — целых полтора галлона — из колодезного ведра.

— Повар упакует кухню к тому времени, как вы вернетесь, Берндт. Цезарь сможет провести эту ночь в своем собственном стойле. А вы с поваром отправитесь сюда, как только займется рассвет, не позже того. Я хочу, чтобы вы к утру были уже далеко от замка.

Владис Грутас вошел во двор замка Лектер, изобразив на лице такое приятное выражение, на какое только был способен; входя, он обвел окна внимательным взглядом. Помахал рукой и крикнул: «Алло!»

Грутас был худощав, с грязноватыми светлыми волосами, в штатской одежде; глаза у него были такими бледно-голубыми, что казались просто кружочками пустого неба. Он снова крикнул: «Алло, там, в доме!» Ответа не последовало, и он прошел внутрь через черный ход. На полу в кухне он обнаружил ящики с провиантом, готовые к отправке. Он поспешно сунул кофе и сахар к себе в сумку. Дверь в подвал была открыта. Он посмотрел вниз и увидел у конца длинной лестницы свет.

Вторжение в логово другого существа — древнейшее табу. У некоторых извращенцев нарушение табу вызывает холодящее чувство возбуждения: так оно случилось и сейчас.